

А. И. Филатова¹**РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК И РУССКАЯ КУЛЬТУРА
В КНИГЕ В. С. РАСПУТИНА «СИБИРЬ, СИБИРЬ...»**

Д. С. Лихачев высказал пожелание создать «Историю Совести» и там же академик перечислил «Условные заповеди человечности». Среди них: «почитание родителей и прародителей своих» и всего «сотворимого ими», отношение к природе как матери и помощнице своей. И как самое значительное, важное: «Пусть труд и мысли твои будут трудом и мыслями свободного творца...» Завершает Д. С. Лихачев «Условные заповеди...» своей подписью, гласящей: «Под ними и расписываюсь и ставлю число 23.11.89 года»². Это по сути творческое кредо ученого, известного в мире своими открытиями в области медиевистики и культурологии.

Под этими заповедями, наверное, поставил бы свою подпись и В. Г. Распутин, классик русской литературы, представляющий уже другое поколение, автор книги «Сибирь, Сибирь...», увидевшей свет в 2006 г. в Иркутске, родном городе писателя. Духовность, нравственность, память, человек и природа — проблемы вечные, в наше время они стали заостренно актуальными, на них-то и сосредоточено внимание В. Распутина.

Если рассматривать распутинскую книгу «Сибирь, Сибирь...» с внешней стороны, то можно увидеть в ней повествование о путешествии автора книги и его друга — фотохудожника Дмитриева по Сибири, начатом в Тобольске и завершено на Дальнем Востоке. Но в жанровые рамки романа-пу-

тешествия книга Распутина не укладывается, даже если вспомнить о несходстве путешествий и путешествеников, обозначенном в знаменитом «Сентиментальном путешествии по Франции и Италии» Стерна (путешествие пастора Йорика).

«Сибирь, Сибирь...» — книга глубоких раздумий писателя о родине, ее прошлом, настоящем и будущем, об особенностях национального склада русского человека, его самобытности, и если идти к более частному — своеобразности характера сибиряка, сформированного временем и, не в последнюю очередь — Сибирью.

Книга Распутина насыщена глубокими мыслями, они гармонично сливаются с любовно-лирической настроенностью ее создателя, мысли и чувства находятся в слаженном равновесии.

Распутин открывает свою книгу обобщенным образом — портретом Сибири. У него свое, очень личное истолкование названия неизмеримых пространств земли словом «Сибирь». Он видит в этом названии не столько слово, сколько понятие, «звучащее, вроде набатного колокола», который «возвещает что-то неопределенное могучее и предостоящее». С Сибирью писатель связывает и свои надежды на будущее: «Она сама вошла в жизнь и интересы многих и многих, если не как физическое, какое-то обновление»³.

Слово «Сибирь» не расшифровано. Но для сибиряков это не столь важно, потому как «для нас, тех, кто в Сибири родился и живет, это родина, дорожка

¹Профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук.

²Иностранная литература. 1989. № 9.

³Распутин В. Г. Сибирь, Сибирь... Иркутск, 2006. С. 67.

и ближе которой ничего на свете нет, нуждающаяся в защите больше, чем любая другая сторона, потому что тут есть пока, что защищать»¹.

В художественном мире Распутина образ родины — центральный, основополагающий, вбирающий всю полноту жизни. Писатель стремится пробудить в читателе чувства сыновние и отцовские, памяти семейной, родовой, исторической. Распутин понимает, что чувство родины трудно передать в слове: немалую роль играют впечатления, эмоции и даже фантазии. Он пишет: «Удивительно и невыразимо чувство родины... Какую светлую радость и какую сладчайшую тоску дарит оно, навещая нас в часы разлуки, то ли в счастливый час проникновенности и отзвука! И человек, который в обычной жизни слышит и видит недалеко, волшебным образом получает в этот час предельный слух и зрение, позволяющие ему опуститься в самые заповедные дали, в глухие глубины родной земли.

И не стоять человеку твердо, не жить ему уверенно без этого чувства, без близости к деяниям и судьбам предков, без внутренней ответственности за дарованное ему место в огромном общем ряду быть тем, что он есть»². Философски окрашена догадка Распутина о природе как о нечто таком, величественном и таинственном, что служит контактом человека с Богом: «Быть может, между человеком и Богом стоит природа, и пока не соединишься с ней, не двинешься дальше. Она не пустит»³.

Мощность сибирской природы, ее вольность отстоит по мысли от себе подобного в других местах. Свою мысль Распутин иллюстрирует примером Байкала. Писатель считает, что непросто, а может быть, и невозможно найти достойные слова. Он обращается к своим дневникам, цитирует страницы, на которых запечатлены его потрясение увиденным, чувства, эмоции: «Стоишь перед Байкалом, маленький, слабый... Байкал перед тобой и что ты перед ним, истязиваешься в мучительных призывах увидеть, понять, осмыслить и отступаешь: впустую. Рядом с Байкалом мало размышлять привыч-

но, здесь надо выше, чище, сильнее думать, вровень с его духом, не бессильно, не горько. Мы способны лишь вопросы задавать, когда что-то великое касается нас, только в вопросах мы иногда окликаем тот язык, который не сумели распознать».

Распутин вновь обращается к дневнику. Под датой 17 января 1974 г. есть запись: «День солнечный, яркий. Солнце, падая на синий застыл и дышит. В чутком оцепенении стоит лес. По горе двигаются люди. Общая завороченность от ростепели... Вместе с водой застыл и воздух»⁴.

В полном контрасте с картиной оживающей природы подается писателем эпизод со свадьбой. Подъезжает машина, выходят молодые люди, ругаются, матерятся, ведут себя грубо, нахально, считают себя не по праву сильными настоящими людьми.

Время, уже ушедшее и наступающее, видится писателем с народной точки зрения. Распутин обращается нередко и к устной народной поэзии. Оттуда, из фольклора, пришли образы матери-земли, живой воды, былинных богатырей. Говоря о просторах Сибири и ее малой заселенности, Распутин ограничится словами: «на версту по персту».

По словам Распутина, работая над книгой «Сибирь, Сибирь...», он заглядывал в «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля. Разумеется, словарь оказал писателю неоценимую помощь. Распутин, выросший в народной среде, слышит, ощущает народную речь. Он активно пользуется словами, свойственными разговорной речи сибиряков, не вошедшими в словарь Даля. Подобных примеров тому много, вот некоторые из них: вытав, двуголовье (о горе), неудражленный (пожилей), поляя жизнь (жизнь, лишенная творческого, духовного начала), уводина (обманка).

Распутин умеет находить, и опять-таки в народной толще, точные слова, заменяя ими пространное описание явлений исторических, социальных, бытовых. Меткое народное «один как перст» у Распутина заменяет пространный разговор о малой заселенности Сибири словесным образом — «на версту по персту».

* * *

Н. И. ФАТИЕВ: — Может быть, в такой художественной прозе Валентин Распутин открывает общую драму народа?..

А. И. ФИЛАТОВА: — Конечно, конечно. И для него трагедия заключается как раз в том, что уничтожено крестьянство.

Н. И. ФАТИЕВ: — Известно, что многие книги Распутина иллюстрирует художник Дмитриев, а данное издание имеет иллюстрации или фоторяд?

А. И. ФИЛАТОВА: — Иллюстраций в книге немного. Путешествие по Сибири началось в То-

больске и закончилось на Дальнем Востоке. Распутин сопровождал художник Дмитриев, который фотографировал пейзажи, памятники, поставленные в Сибири. В книге есть прекрасная глава о Ермаке, о многих исторических героях. История Сибири воспроизведена художником, который влюблен в свою родину и который, как он говорит, является православным человеком и очень хочет, чтобы читатель его книги «Сибирь, Сибирь...» почувствовал, что у него мировоззрение православное.

¹ Распутин В. Г. Указ. соч. С. 229.

² Там же. С. 290.

³ Там же. С. 284–285.

⁴ Там же. С. 285.